

М. А. Козлова

Дела «об оскорблении величества»: механизмы выявления, мотивы участников и реакция власти в Российской империи в первой четверти XIX века*

Недозволительные речи в адрес монарха являлись неотъемлемой составляющей повседневной коммуникативной среды русского общества. Бюрократический аппарат Российской империи особенно внимательно относился к содержанию произнесенных выражений. Так называемые «дерзновенные слова» не всегда были связаны с осознанной критикой монарха. Случайно произнесенные в бытовой обстановке эмоциональные выражения подлежали судебному преследованию, однако трактовались как не имеющие умысла. Важным представляется выяснить механизмы выявления и реакции чиновников на разных уровнях на распространение устных высказываний, воспринимавшихся как потенциально опасные для общественного порядка.

В первой четверти XIX в. императора и его окружение немало волновал вопрос о необходимости своевременного выявления и контроля над общественными настроениями. Актуальность его определялась распространенным взглядом на главную причину революций в странах Европы — негативное отношение так называемого «общего мнения» к действиям власти. Не меньшее влияние оказывали нестабильность внешнеполитической обстановки и замет-

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00649; <https://rscf.ru/project/23-18-00649/>

ный рост различных форм самоорганизации российских подданных, проявлявшийся в создании как легальных, так и тайных обществ. С восшествием на престол императора Александра I на смену централизованному «политическому сыску», существовавшему на протяжении всего XVIII в., приходит межведомственный принцип реагирования на разглашение потенциально опасных для общественного спокойствия сообщений¹. К ним относились социально-политические слухи, сочинение пасквильных стихов и жалоб, а также разглашение так называемых «оскорблений Величества». Подобная неформальная коммуникация является неотъемлемой частью разговорной публичной сферы, или, по выражению современников, «общего мнения», необходимость контроля над которым осознавалась на правительственном уровне.

Исследованию специфики организации системы политического сыска, делопроизводства по политическим делам, а также анализу отдельных преступлений в Российской империи XVIII–XIX вв. посвящен ряд исследований², авторы которых чаще всего обращались к материалам Тайной канцелярии и ее преемников, документам Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии. Тайные общества, привлекавшие пристальное внимание властей, также становились объектом научного изучения³.

До сих пор недостаточно изученным остается административный механизм выявления социально-политических «слухов», «толков» и так называемых «недозволительных речей». Представляется важным определить, как они выявлялись и как реагировали властные институты разного уровня на появление устных высказываний, которые могли рассматриваться как потенциально опасные для «общей безопасности государства и подданных».

В рамках одной статьи невозможно представить весь спектр «недозволительных толков, речей и слухов». В настоящем тексте сосредоточимся на одном типе подобного рода устных высказываний, неизменно вызывавших повышенное внимание власти и следственных органов, — «дела об оскорблении Величества».

Первоначально информация о такого рода высказываниях поступала служащим уездных или губернских учреждений в форме частных доносов. После проведения Уголовной палатой «разбирательства» по содержанию доноса и причастности к нему конкретных лиц губернаторы направляли представление в V Уголовный департамент Сената, который передавал материалы дела и высказанные по нему суждения в Департамент гражданских и духовных дел Государственного совета. Окончательное решение выносилось лично императором. Настоящее исследование анализирует следственные материалы, сохранившиеся в фондах Сената и Государственного совета.

Выявленные в ходе исследования дела «об оскорблении Величества» являются довольно специфическим источником. В действительности чаще всего обвиняемый в разглашении «оскорблений» не представлял реальной угрозы государственной безопасности. Однако «оскорбление» монарха юридически

оценивалось как государственное преступление, за совершение которого в соответствии с целым рядом законодательных актов XVIII в. предусматривалось достаточно жесткое наказание. Согласно донесениям с мест, уголовные палаты в первой четверти XIX в. при рассмотрении дел продолжали руководствоваться «Артикулом воинским»⁴, указами от 30 января 1727⁵, 24 сентября 1757⁶ и 13 сентября 1797 г.⁷ При этом следует отметить, что в первые годы правления Александра I появился ряд распоряжений, существенно смягчавших наказание виновных. Например, указом от 17 января 1802 г.⁸ запрещалось приводить в исполнение приговоры по разглашению «дерзновенных речей» без санкции Сената, а в указе от 25 декабря 1817 г. нельзя было упоминать в приговорах процедуру вырывания ноздрей⁹. В условиях отсутствия четкой регламентации того, какое именно наказание следует применять за «оскорбление Величества», уголовные палаты на местах нередко выносили приговоры, связанные с телесными наказаниями, которые не приводились в исполнение немедленно, так как должны были быть утверждены в Сенате и Государственном совете.

Проведенный анализ сообщений, классифицируемых следственными органами как дела «об оскорблении Величества», позволяет утверждать, что на практике не было четкого соответствия формулировки обвинения и состава преступления. В текстах источников «пасквили», «изветы», «слухи», «толки» и «оскорбления» нередко использовались как синонимы и отождествлялись с «недозволительными» или «дерзновенными рассуждениями». Одновременно с этим, несмотря на отсутствие четких критериев, все дела «об оскорблении Величества» авторами доносов и чиновниками местных уголовных палат оценивались как политические преступления. Перед сенаторами и членами Государственного совета ставилась более сложная задача — по донесениям с мест определить мотивы «преступника» и представить на рассмотрение монарху обоснованный обвинительный приговор.

На основании рассмотренных Сенатом в начале XIX в. дел «об оскорблении Величества» условно можно выделить два типа обстоятельств, при которых обвиняемый произносил «дерзновенные речи» об императоре. К первому типу относятся слова, сказанные в результате межличностных конфликтов. В таких случаях «оскорбление» было произнесено не намеренно и не имело политического подтекста, связанного с осознанной критикой правительственного курса. К другому роду обстоятельств относилось упоминание государя при проявлениях какого-либо недовольства решениями власти по актуальным для обвиняемого вопросам. На такие «недозволительные рассуждения» центральные органы власти обращали особое внимание, что особо фиксировалось в приговорах по делам «об оскорблении Величества».

«Оскорбление государя» в межличностном конфликте выражалось в употреблении различных слов. Например, могло прозвучать утверждение, что государь — «дурак». Следует отметить, что просторечное именование «дурак» являлось привычной для крестьянской среды формой аргументации в споре

и использовалось без намерения нанести оскорбление монарху. Отсутствие политического умысла, однако, не мешало доносчику объявить о разглашении «дерзновенных слов». Акцентируя внимание на оскорблении, автор доноса, который был участником межличностного конфликта, переводил таким образом просторечное высказывание в политическую плоскость.

Так, в 1818 г. Сенат получил рапорт тобольского гражданского губернатора по делу крестьянина Ялуторовского уезда Василия Полякова, осужденного за оскорбительные слова «против Высочайшей Государя Императора особы»¹⁰. Происшествие состояло в следующем: во время сбора подушной подати государственный крестьянин Поляков требовал со сборщиков указ заводской канцелярии или повеление управителя¹¹. Не получив требуемого, крестьянин заявил, что «ныне у нас царствует государь император дурак»¹². Об «оскорблении величества» незамедлительно доложили земскому управителю Биглову, а в качестве свидетелей привлекли девять крестьян Бийской волости¹³. В произнесении оскорбительных в адрес монарха выражений Поляков не сознался, объяснив, что «о том не помнит по причине бытности в пьянстве до беспамятства», свидетели же подобное оправдание опровергли¹⁴.

Уголовная палата за разглашение «недозволительных речей» постановила наказать Полякова 12 ударами кнута, клеймением и ссылкой на каторгу. По инициативе министра юстиции Д. И. Лобанова-Ростовского следствие поставили под особый контроль губернского прокурора. В феврале следующего года, исполняя указание императора, Сенат слушал подробный доклад по данному делу¹⁵. Сенат и Государственный совет одобрили решение Тобольской уголовной палаты, однако по высочайшему повелению крестьянин был освобожден от наказания¹⁶.

Стоит отметить, что далеко не в каждом случае после проведения следственных мероприятий донос о произнесении оскорблений в адрес государя подтверждался. Нередко встречались случаи безосновательных обвинений. К примеру, в 1813 г. в ложном доносе, изобличавшем распространителя «дерзких слов», был обвинен донской казак Жемчугов. Согласно докладу 5-го департамента Сената, Жемчугов сообщил о ссоре хорунжего Самохина и урядника Козмина в доме урядника Топоркова, в ходе которой Козмин якобы заявил, что «эдакого дурака тебя дурак пожаловал, дурак Государь, что меня больше не пожаловал, я бы вам бездельникам головы срывал»¹⁷.

Козмин в произношении недозволительных слов не признавался, отметив, что на оскорбления хорунжего в свой адрес он ответил, что «у нашего Государя дураков нет и Государь дураков не жалует»¹⁸. Показания урядника подтвердили свидетели, что дало основания поставить под сомнение обвинения Жемчугова. Войсковое начальство уличенного в извете казака приказало арестовать, а «для воздержания впредь от таковых несправедливых доносов» лишить его ордена Св. Георгия и наказать ударами плетьюми¹⁹. Но Сенат, согласившись с необоснованностью доноса, смягчил наказание казака с формулировкой, чтобы впредь вел себя «как возможно воздержаннее»²⁰.

Как правило, при проведении следствия по делам «об оскорблении Величества» решающим доказательством достоверности доноса были свидетельские показания. Опрашивались не только непосредственные очевидцы разглашения «недозволительных речей», но и лично знавшие обвиняемого лица. Таким образом следователи намеревались выяснить, «доброго ли поведения человек», имел ли он склонность к пьянству, сквернословию и «зломыслию». Если в результате опроса складывалась благоприятная «характеристика» от весомого числа свидетелей (в некоторых случаях, согласно донесениям с мест, опросу могли подвергнуться более ста человек) донос об оскорблении Величества признавался ложным. В этом случае уголовному преследованию подвергался уже сам доносчик, отвечавший не столько за несправедливое обвинение, сколько за «самоличное» формулирование «оскорбительных выражений» в тексте «извета». Буйность, недобропорядочное поведение, самовольные отлучки со службы, регулярные «упражнения в пьянстве» становились косвенными доказательствами неблагонадежности доносителя, а следовательно, ставили под сомнение достоверность его показаний.

Яркой иллюстрацией вышесказанного является дело унтер-офицера Андрея Веселовского. Недобрая репутация коллежского регистратора Ивана Виноградова, обвинившего в 1815 г. Веселовского в произнесении «непристойностей» на особу Государя, наряду со свидетельскими показаниями стала решающим фактором, поставившим под сомнение достоверность доноса. Виноградов заявил, что квартировавший в доме вдовы Пелагеи Ивановны отставной унтер-офицер Веселовский во время разговора с ним произнес «противные законом про Его Императорское Величество слова», содержание которых «по непристойности пояснить не может»²¹. Веселовский же показал, что разговор носил «шуточный» характер, а «противных законам про Высочайшую Особу слов не произносил, да и думать о том не смел»²². Хозяйка дома рассказала, что между мужчинами состоялась ссора, и отставной офицер действительно произнес на доносчика «бранные слова», обида на которые могла стать причиной составления извета. Другие свидетели, включая жену Веселовского, в произнесении крамолы никого из участников ссоры не уличали. По проведении очных ставок каждая из сторон осталась при своем мнении²³.

В ходе следствия Горбатовский уездный суд установил: «Виноградов поведения недобропорядочного, по часту упражняется в пьянстве и был в самовольной отлучке 12 дней, за что содержан был под караулом; а городничий донес, что он Виноградов за пьянство содержался неоднократно на гауптвахте; унтер же офицер Веселовский в худых поступках не замечен»²⁴. Нижегородская палата уголовного суда вынесла по данному делу следующее решение: Виноградова за ложный донос лишить обер-офицерского чина и сослать на каторжные работы²⁵. Губернатор согласился с вердиктом суда. Позднее Сенат, руководствуясь «Высокомонаршею милостию», определил Виноградова свободным с тем, однако, уверением, чтоб он «впредь от таковых неосновательных и лжи-

вых доносов воздержался»²⁶. В «лживости» доноса Виноградов так и не сознался, а соответственно, невозможно точно выявить мотивацию «извета». По всей видимости, личное оскорбление, нанесенное в ходе ссоры, побудило его таким образом «расправиться» со своим обидчиком.

Исследование мотивов обвиняемых было логически связано не только с необходимостью выявления степени достоверности доносов, но и со стремлением разделить случайные, бытовые оскорбления и так называемые «дерзновенные речи», имевшие политический подтекст. Такого рода стремление отчетливо прослеживается в материалах Уголовного департамента Сената и Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета.

Одним из наиболее распространенных объяснений произнесения «недозволенных речей» было признание обвиняемых «невежественными», а значит, с точки зрения столичных чиновников, их высказывания не угрожали государственному спокойствию. Подобного рода заключения характерны в делах о «толках» крестьян, «не имевших злого умысла», часто в беспамятстве от выпитого сверх меры невольно оскорбивших Величество. Так, Уголовный департамент Сената рассматривал дело крепостного крестьянина Терентьева, обвиняемого в разглашении «на Высочайшую особу неблагоприятных слов». Донесение на Терентьева получил атаман Добринской слободы, а от него дело дошло до управляющего графа В. В. Орлова-Денисова.

Материалы Донской войсковой канцелярии дают подробную картину произошедшего²⁷. Константин Терентьев — крестьянин графа Орлова-Денисова, от роду 40 лет, женат, грамоте обучен, веры православной, проживал в Добринской слободе. 20 ноября 1810 г. Терентьев, определенный в рекруты, пришел с караульным Буряковым к дьячку Прокофию Семенову в дом якобы для покупки пряников. Во время разговора с бывшим в доме дьяка крестьянином Ефимом Даниченком дерзнул заявить: «...без разума наш государь, что де нас старых в службу не берет»²⁸. Через пять дней донесение от управляющего дошло до донского сыскного начальства, крестьянин был схвачен и закован в железо.

Терентьев же, как часто было при вынесении подобного рода обвинений, в произнесении крамольных слов не признавался, показав при этом на самого Даниченкова. Свою версию крестьянин изложил подробно следующим образом: «...когда он Терентьев вошел в дом дьячка Семенова, и обыкновенно сделав поздравление, на которое он Семенов лежа на постели вообще случившимся у него быть крестьянином Ефимом Даниченковым отвечив таким словами: “Здравствует милостивый Государь Плешивый секретарь”, что он Терентьев, сочтя за шутку, сбранил его соотнесением сказанного им собственно к нему Семенову, и с высказанием притом: “что это за такой Государь лежит...”»²⁹. Почему же дьячок и крестьянин донесли на него, Терентьев не ведает.

Второй, не менее интересный персонаж в деле — дьячок Прокофий Семенов, 28 лет от роду, из пономарей Войска донского, женат, грамотен, находился по определению войсковой канцелярии в слободе графа дьяком при церкви³⁰.

Семенов поведал свой вариант истории, изложенной в доносе. В воскресный ноябрьский день по выходе из обедни пришли к нему в дом отданный в рекруты Терентьев и караульный Буряков. Между Терентьевым и Даниченковым на фоне ссоры завязалась драка, в ходе которой якобы Терентьев произнес: «...дурак наш государь, что нас старых солдат не берет», подтвердив затем, «что дурак государь»³¹. Семенов и Даниченков, принимая «за важность сказанное», своевременно записав слова Терентьева, пригрозили донести, на что крестьянин, «ругая их говорил, что он того не боится»³². Даниченков показания дьячка подтвердил.

Данный случай, один из немногих, дает и понимание того, какие именно оскорбления прозвучали в адрес монарха. Эпитет «плешивый», зафиксированный в показаниях обвиняемого, конечно, не был связан с критикой внешности императора, равно как и «дурак» не ставил под сомнение интеллектуальные способности правителя. Сопоставление крестьянина, расположившегося в гостях у дьячка, с фигурой царя также носило скорее ироничный характер. Однако подобные высказывания в адрес императора «без должного благоговения», по мысли доносителей, не могли не заинтересовать местное начальство.

Аргументируя причины доноса исключительно «важностью сказанного», дьячок сообщил, что незамедлительно донес о разговоре местному священнику Карнилию Симонову, и по его настоянию — атаману Максиму Подставкину. Затем о деле стало известно слободскому обществу, которое решило дожидаться есаула, бывшего в отъезде³³. По приезде есаула Смирнова была дана очная ставка, но и тогда Терентьев от приписываемых ему слов отказывался³⁴.

В контексте исследования содержания и механизмов выявления степени опасности доносов «об оскорблении Величества» показательна и реакция войсковой администрации. Ее руководители, вероятно ввиду кажущейся важности дела и отсутствия должного понимания механизмов следствия, приказали немедленно арестовать предполагаемого нарушителя спокойствия, но приостановили дело до возвращения местного начальства. После этого дело передали в столицу, а Терентьева оставили под караулом в ожидании всемилостивейшего прощения, которое последовало, но спустя почти два года после происшествия³⁵.

Сенат же постановил, что слова Терентьева не имеют «злого умысла или намерения, кроме единого невежества и безрассудной дерзости»³⁶. В качестве превентивной меры было приказано подтвердить Терентьеву «строжайшим образом, дабы он впредь подобных сему никаких непристойных слов и ни в каких случаях не произносил, а имел всегда к Высочайшей особе должное благоговение»³⁷.

Аналогичным образом причина появления дерзновенных речей сформулирована в решении Сената по делу государственного крестьянина Александра Мичкова, проживавшего в Пермской губернии. В 1816 г. Мичкова привлекли к ответственности за богохульство и оскорбление величества. Во время ссоры с братом на традиционную просьбу «побойся Бога» он ответил: «...у меня Бога

нет <...> у меня Бог под пятой, а Государь под ж...»³⁸. Пермский гражданский губернатор Б. А. Гермес представил дело на рассмотрение Сената, заключившего, что сказанные слова «произошли от буйства, пьянством усугубленного, от грубости и свойственного состоянию его совершенного невежества, а не от какого-либо закоренелого в нем зломыслия»³⁹.

Таким образом, местная администрация реагировала на сам факт возможных «опасных разговоров», тогда как органы центральной власти интересовал контекст, в рамках которого могло произойти «оскорбление Величества». Принципиально важным было установить отсутствие/наличие именно политических разговоров, критики общественно-политической ситуации или конкретных действий правительства, т. е., по выражению Сената, «закоренелого зломыслия». Именно поэтому бытовая брань, в ходе которой один из собеседников мог дойти до нелицеприятного обращения к фигуре монарха, служила своеобразным «оправданием» и подтверждением отсутствия «злого умысла».

Относительно редкая практика применения телесных наказаний по делам «об оскорблении Величества» со стороны центральных органов власти во многом сопряжена с пониманием ситуативного характера брани, вызванной не критикой социально-политической обстановки в стране, а бытовыми ссорами. Апелляция к фигуре монарха нередко рассматривалась как своеобразный способ самовыражения, обусловленный отсутствием образования. Так, в 1807 г. в докладе Первого департамента Подольского суда по делу о произношении «дерзких слов на священную особу императора» крестьянином Волком отмечено, что ругательства на императора являлись «обыкновенным у простолюдинов способом заочной брани удовлетворить свое негодование»⁴⁰.

Приведенные примеры вне прямого политического контекста могут сформировать впечатление о сугубо бытовом характере высказываний обвиняемых. Однако далеко не все высказывания, идентифицируемые как «оскорбления Величества», не имели политического контекста. Ряд дел, рассмотренных в Сенате и Государственном совете, все же имели выраженный политический подтекст, заключавшийся в прямом недовольстве правительственной политикой. В этих случаях в качестве превентивной меры, направленной на недопущение дальнейшего разглашения «недозволительных речей», применялась высылка на каторжные работы в Сибирь. Так, в 1814 г. Нижегородская палата уголовного суда рассматривала дело пономаря Степана Васильева. Свидетели показали, что пономарь, находясь в питейном доме в изрядно нетрезвом состоянии, сказал, «что Государь Александр Павлович как воцарился, так происходят все рекрутские наборы и хотел отдавать из духовного звания в солдаты»⁴¹. Довольно нелепый слух Васильев сопровождал «самыми буйственными словами» в отношении императора. Об инциденте местному исправнику сообщил отставной солдат Фуфаев. Следствие, опросив 22 прихожан Петропавловской церкви, в коей служил обвиняемый, получило отнюдь не лестную характеристику пономаря: «...обращается в пьянстве и буйстве, и произносит на счет разных

людей бранных слова»⁴². Уездный суд, как и Нижегородская палата уголовного суда, определил в качестве наказания Васильеву ссылку на каторгу⁴³.

Особое внимание обращалось на сообщения, связанные с правительственной политикой, а также на распространение «крайне опасных» социально-политических слухов. Так, например, в сентябре 1813 г. Государственный совет слушал дело о возмущении и неповиновении начальству крестьян Пермской губернии. Согласно материалам дела, в Ирбитском округе среди крестьян появился слух о некоем указе, запрещавшем сгонять крестьян «в работу» на казенные заводы⁴⁴. Слухи об указе вызвали возмущение и неповиновение до 150 рабочих. Из уст волостного головы Хмелева прозвучало даже совершенно крамольное: «...государь расстроил людей»⁴⁵. О недовольстве крестьян Ирбитскому земскому суду донес заседатель Ильин, которому пришлось искать для работы на заводе крестьян в соседней волости⁴⁶.

Хмелев о сказанном не запырчался, однако поиски «указа» не увенчались успехом. На допросах крестьяне, в их числе и сельский староста Абакумов, уверяли, что получили указ от крестьян Тамакульской волости: «...будто бы крестьянам более заводских работ не исправлять»⁴⁷. Текст «указа» местным властям крестьяне представить не смогли. Согласно показаниям опрошенных, голова Хмелев велел на работы не идти, ссылаясь на копию полученного от крестьян соседней волости указа. В беспорядках и недонесении об «указе» уличены также 17 крестьян, в числе которых значились сельский староста и волостной писарь⁴⁸.

Согласно показаниям Хмелева, фраза «расстроил людей» в адрес монарха прозвучала как ответ крестьянина на слова заводского служителя Никерина, назвавшего голову «разстройщиком людей»⁴⁹. Таким образом, неоправданные ожидания крестьян, связанные с улучшением социально-экономического положения, в данном случае — с запретом принудительных работ на заводах, компенсировались не всегда обдуманно «дерзкими выражениями». В отличие от большинства обвиняемых в «оскорблении Величества» Хмелев беспамятством не оправдывался и от сказанного не отрекался. Можно предположить, что он не видел ничего крамольного в брошенной фразе. Да и для следствия более важным была не эта фраза, а слухи о распространении некоего «указа», текст которого в Сенат местные власти по понятным причинам так и не смогли представить.

Несмотря на то что Ирбитский уездный суд, равно как и Сенат, признали Хмелева виновным в произнесении «дерзновенных слов»⁵⁰, Департамент гражданских и духовных дел Государственного совета пришел к выводу, что инцидент с Хмелевым произошел единственно «от того, что будучи в крестьянском состоянии по малому просвещению своему, не мог и понимать слов. Те слова были неприличны и дерзновенны»⁵¹. Таким образом, главным обстоятельством, оправдывавшим Хмелева, стало непонимание тяжести преступления ввиду малой образованности. Крестьянин был наказан плетью и запретом занимать выборные должности⁵².

Для выявления механизмов и среды распространения «недозволительных речей» важным представляется определить места их распространения. Конечно, подобные места предполагали неформальный характер коммуникации и были обусловлены привычной для участников социальной средой бытования «разговоров». Исходя из материалов дел, чаще прочих в разглашении «оскорбительных в адрес Государя выражений» уличались лица (крестьяне или служители церкви), находившиеся в гостях у будущего доносчика или свидетеля⁵³. После «хорошего потчивания», под влиянием выпитого, часто вследствие словесной перепалки оскорбление императора сопровождало бытовую брань. Встречаются также упоминания о разглашении «недозволительных речей» в питейном доме или на площади. Важным условием для проведения разбирательств по делу являлось наличие свидетелей, способных подтвердить или опровергнуть показание доносчика. Свидетели, в свою очередь, расширяли коммуникативную среду бытования «дерзновенных слов».

* * *

Оскорбления в адрес монарха, как и разнообразные слухи, являлись неотъемлемой частью социально-коммуникативной практики российских подданных. Рассмотренные дела характеризуют элементы разговорной публичной сферы, прежде всего в крестьянской среде, где бытовая брань нередко сопровождалась упоминанием фигуры царя как в позитивном, так и в негативном ключе.

Анализ архивных материалов по делам «об оскорблении Величества» позволил выявить еще одну характерную особенность. В процессе передачи дела на вышестоящий уровень вынесенное первоначально решение о форме наказания могло быть изменено. Как правило, уездные суды выносили решения о телесных наказаниях (кнут, вырезание ноздрей), а также клеймении. Тогда как решения, выносимые на губернском уровне, представляются менее кровавыми. Сенат зачастую их подтверждал без существенных изменений. И только всемиловейшее прощение избавляло большинство обвиняемых от реальных наказаний за «дерзновенные речи».

Материалы фондов правительственных учреждений показывают, что имперская администрация акцентировала внимание на содержании высказываний. «Дерзновенные слова» в адрес монарха, прозвучавшие в бытовых ссорах и не подразумевавшие намеренной критики деятельности Александра I, отнюдь не классифицировались как дела «без состава преступления». Они определялись как произвольные оскорбления, происходившие более по «неразумению» и «буйственности», а не намеренная попытка дискредитации правительства.

Непреднамеренный характер большинства такого рода высказываний делал невозможным отслеживание, а тем более предупреждение их появления. Именно поэтому местной администрации оставалось лишь своевременно реагировать на поступающие доносы, количество которых, конечно, не охватывает всей совокупности подобного рода происшествий. Более того, сложно сказать, какой

именно процент подобных дел доходил до Сената и Государственного совета. Все зависело от того, насколько конкретное высказывание могло заинтересовать чиновника на местах, который должен был квалифицировать сказанное как «дерзновенные речи» или «неблагопристойные слова» в адрес императора.

- ¹ Козлова М. А. «Комитет охранения общей безопасности» 1807 года: механизмы выявления и содержание социально-политических слухов // Вестник гуманитарного образования. 2024. № 3. С. 18–27.
- ² Анисимов Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999; Каменский А. А. Тайные безумцы Российской империи XVIII века. М., 2024; Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы. СПб., 1992; Троицкий И. М. Третье отделение при Николае I. М., 1930; Черникова Т. В. Государево Слово и Дело при Анне Иоанновне // История СССР. 1989. № 5. С. 155–163; Корнева Н. М., Солнышкин А. А. «Оскорбление Его Величества дерзкими словами» как государственное преступление (на материалах Санкт-Петербургских архивов) // Научный диалог. 2022. № 10. С. 388–409; Ульянова Л. В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью. 1880–1905. СПб., 2020.
- ³ См., например: Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003; Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009.
- ⁴ Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. М., 1986. С. 231. Согласно Артикулу 20, произнесение хулительных слов в адрес монарха каралось «лишением живота» и отсечением головы.
- ⁵ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 7. № 504. С. 731. За непристойные и хулительные слова в адрес величества следовала «смертная казнь без пощады».
- ⁶ ПСЗ. Т. 14. № 10764. С. 795–796. Конкретизировал варианты телесных наказаний. Смертной казни предлагалась альтернатива — процедура вырывания ноздрей и проставления штемпельных знаков на лице преступника с последующей высылкой на каторжные работы.
- ⁷ ПСЗ. Т. 24. № 18140. С. 735. Закон ранжировал варианты наказания преступников в соответствии с тяжестью преступлений: от высылки на рудники до отправки на принудительные работы в отдаленные крепости.
- ⁸ ПСЗ. Т. 27. № 20133. С. 18.
- ⁹ ПСЗ. Т. 34. № 27197. С. 949–950.
- ¹⁰ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1345. Оп. 98. Д. 976. Л. 1 об.
- ¹¹ В данном случае могла иметь место вольная интерпретация указа 15 марта 1807 г. «О выполнении горных заводов хребта Уральского мастеровыми и рабочими людьми, также непременно работниками взамен приписных крестьян».
- ¹² РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 976. Л. 34 об.
- ¹³ Там же. Л. 34 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 34 об. — 35.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Л. 39.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 1151. Оп. 1. 1813. Д. 136. Л. 2.
- ¹⁸ Там же. Л. 2 об.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Л. 4.
- ²¹ Там же. 1815. Д. 142. Л. 2.

- ²² Там же. Л. 2.
²³ Там же. Л. 3.
²⁴ Там же.
²⁵ Там же. Л. 3 об.
²⁶ Там же. Л. 4.
²⁷ РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. Д. 903. Л. 10.
²⁸ Там же. Л. 1 об.
²⁹ Там же. Л. 11 об.
³⁰ Там же. Л. 11 об. — 12.
³¹ Там же. Л. 12 об.
³² Там же.
³³ Там же. Л. 13 об.
³⁴ Там же. Л. 15 об. — 16.
³⁵ Там же. Л. 43.
³⁶ Там же. Л. 30 об.
³⁷ Там же.
³⁸ Там же. Д. 949. Л. 15 об.
³⁹ Там же. Л. 24 об.
⁴⁰ Там же. Д. 836. Л. 12.
⁴¹ РГИА. Ф. 1151. Оп. 1. 1815. Д. 15. Л. 2.
⁴² Там же. Л. 2 об.
⁴³ Там же.
⁴⁴ Там же. 1813. Д. 104. Л. 2.
⁴⁵ Там же. Л. 2.
⁴⁶ Там же. Л. 2 об.
⁴⁷ Там же.
⁴⁸ Там же. Л. 3.
⁴⁹ Там же. Л. 2 об.
⁵⁰ Там же. Л. 3.
⁵¹ Там же. Л. 4.
⁵² Наказание, прежде вынесенное уездным судом, было куда жестче — кнут, вырезание ноздрей и каторга.
⁵³ Согласно свидетельским показаниям, 9 из 16 рассмотренных Сенатом и Государственным советом дел.

References

Andreeva, T. V. *Tainye obshchestva v Rossii v pervoi treti XIX veka: pravitel'stvennaya politika i obshchestvennoe mnenie* [Secret Societies in Russia in the First Third of the 19th Century: Government Policy and Public Opinion. In Russ.]. St. Petersburg, Liki Rossii publ., 2009. 911 p.

Anisimov, E. V. *Dyba i knut: Politicheskii syzk i russkoe obshchestvo v XVIII veke* [The Rack and the Whip: Political Sleuthing and Russian Society in the 18th Century. In Russ.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie publ., 1999. 719 p.

Bokova, V. M. *Epokha tainykh obshchestv. Russkie obshchestvennye ob"edineniya pervoi treti XIX v.* [The Era of Secret Societies. Russian Public Associations of the First Third of the 19th Century. In Russ.]. Moscow, Realii-Press publ., 2003. 651 p.

Chernikova, T. V. *Gosudarevo Slovo i Delo pri Anne Ioannovne* [The Tsar's Word and Deed during the Reign of Anna Ioannovna. In Russ.]. In *Istoriya SSSR*. 1989. No. 5, pp. 155–163.

Kamenskii, A. A. *Tainye bezumtsy Rossiiskoi imperii XVIII veka* [The Secret Madmen of the Russian Empire of the 18th Century. In Russ.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2024. 304 p.

Korneva, N. M., Solnyshkin, A. A. "Oskorblenie Ego Velichestva derzkimi slovami" kak gosudarstvennoe prestuplenie (na materialakh Sankt-Peterburgskikh arkhivov) ["Insulting His Majesty with Insolent Words" as State Crime (St. Petersburg Archives)]. In Russ.]. In *Nauchnyi dialog*. 2022. Vol. 11, no. 10, pp. 388–409.

Kozlova, M. A. "Komitet okhraneniya obshchei bezopasnosti" 1807 goda: mekhanizmy vyyavleniya i sodержanie sotsial'no-politicheskikh slukhov ["Committee for the Protection of General Security" of 1807: Mechanisms for Detecting and the Content of Socio-Political Rumors. In Russ.]. In *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya*. 2024. No. 3, pp. 18–27.

Lurie, F. M. *Politseiskie i provokatory* [Policemen and Provocateurs. In Russ.]. St. Petersburg, InKA press, 1992. 417 p.

Ulyanova, L. V. *Politicheskaya politsiya i liberal'noe dvizhenie v Rossiiskoi imperii: vlast' igry, igra vlast'yu. 1880–1905* [Political police and the Liberal movement in the Russian Empire: the Power of the Game, the Game of Power. 1880–1905. In Russ.]. St. Petersburg, Aleteiya publ., 2020. 358 p.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М. А. Козлова. Дела «об оскорблении величества»: механизмы выявления, мотивы участников и реакция власти в российской империи в первой четверти XIX века // Петербургский исторический журнал. 2025. № 4. С. 120–132. DOI: 10.51255/2311–603X_2025_4_120

Аннотация: Исследование посвящено практике рассмотрения уголовных дел «об оскорблении Величества» в первой четверти XIX в. Освещаются особенности делопроизводства, специфика расследования дел и процедуры принятия судебных решений. Проанализированы материалы архивов Сената и Государственного совета, содержащие сведения о порядке оформления обвинений, формах доносов и процедурах разбирательств. Показано различие подхода к этому виду преступлений на местном и центральном уровнях. Большое значение имеет изучение источников информации и фиксация сведений о бытовых разговорах, негативно отражавшихся на образе монарха. Работа направлена на углубленное понимание исторического процесса формирования карательной политики Российской империи относительно государственных преступлений.

Ключевые слова: оскорбления императора, практика судопроизводства, Сенат, Государственный совет, общественная безопасность.

FOR CITATION

M. A. Kozlova. Cases of "Insulting His Majesty": Detection Mechanisms, Motives of Participants and the Reaction of the Authorities in the Russian Empire in the First Quarter of the 19th Century // Petersburg Historical Journal, no. 4, 2025, pp. 120–132. DOI: 10.51255/2311–603X_2025_4_120

Abstract: The present study is devoted to an examination of criminal offences committed against the Majesty in the first quarter of the 19th century. The article under scrutiny here elucidates the intricacies of record-keeping, the processes involved in investigating cases, and the procedures for court decisions. The materials of the archives of the Senate and the State Council, which contain information on the procedure for filing charges, forms of denunciation and procedures of proceedings, are analysed. The difference between the approach to this type of crime at the local and central levels is demonstrated. It is imperative to undertake a thorough examination of the sources of information and to meticulously record any conversations that had a detrimental effect on the image of the monarch. The objective of the present study is to achieve an in-depth understanding of the historical process of the formation of the punitive policy of the Russian Empire regarding state crimes.

Key words: insults to the Emperor, judicial practice, the Senate, the Council of State, public safety.

Автор: **Козлова, Мария Алексеевна** — младший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Академии наук (Екатеринбург, Россия).

Author: **Kozlova, Maria Alekseevna** — junior researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

E-mail: ma.kozlova@urfu.ru

ORCID: 0009-0009-1347-1825